ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР, ПОСВЯЩЕННЫЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЕТЕ ПОЭТАПНОГО ПРИНЯТИЯ ПРОЕКТА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РФ»

Зинченко С.А.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В соответствии с Концепцией и проектом ФЗ «О внесении изменений в ГК РФ» Государственная Дума поэтапно принимает законы, существенно затрагивающие область предпринимательства. Так, в Федеральном законе от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой ГК РФ» закреплено положение о регулировании отношений, связанных с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения) (ст. 2). Это радикальное нововведение не основывается на принципах частного права, которые закреплены в ст.1 ГК.

В этих условиях необходимо законодателю проявлять определенную последовательность. Если ГК РФ – базовый документ только частного права, он может иметь основным предметом правового регулирования только имущественные отношения. Последние являются по своей природе волевыми отношениями собственности, складывающиеся по поводу продуктов труда как товаров. Включение в предмет правового регулирования управленческих корпоративных отношений означает, что ГК регулирует и нетоварные отношения собственности в их «симбиозной» взаимосвязи с товарными (имущественными) отношениями. И тогда оказывается, что предпринимательские отношения, являющиеся по своей природе имущественно-управленческими отношениями, регулируются частной отраслью права. Такое не должно быть. Наверное, с включением в предмет ГК отношений предпринимательства он приобретает статус отрасли частно-публичного права. В этом нет ничего «крамольного», если принять во внимание тот факт, что и конституционное право признается частно-публичным [1], хотя оно выступает фундаментом всех иных правовых отраслей. Раз внесены в предмет ГК регулятивные (управленческие) отношения, необходимо корректировать и принципы данной отрасли права. В них необходимо поместить и основополагающие начала предпринимательства, среди которых принцип получения прибыли посредством удовлетворения общих потребностей занимает особое место.

Правосубъектность предпринимателей имеет особенность в сравнении с правосубъектностью некоммерческих организаций и граждан, что нельзя не учитывать при внесении коренных изменений в ГК РФ. Правосубъектность составляет сущностное содержание «субъекта права вообще». Но в отраслевом «срезе» оно проявляется через правоспособность, дееспособность, правовой статус, компетенцию. Посредством этих форм, их взаимодействия можно определить конкретную правосубъектность отдельных отраслей права [2, с. 46]. Применительно к гражданскому праву она предстает правоспособностью и дееспособностью (ст.17, 18 ГК РФ). Посредством право-дееспособности закрепляется правосубъектность носителей частного права. Но так как в предмет гражданского права включены отношения предпринимательства, необходимо закрепить правосубъектность их носителей. Здесь правосубъектность формируется из правовозможностей и компетенции в их органической взаимосвязи. Автономность обеспечивается правовозможностью, а посредством компетенции обеспечивается регулирование системы предпринимательства. В итоге частно-публичное закрепляется в правовом статусе. Право-

вой статус непосредственно закрепляет собой правосубъектность предпринимателей. Это положение должно быть закреплено в базовом законе. В равной мере нуждается в законодательном закреплении и правовой статус индивидуального предпринимателя. Для гражданина это второй статус, который необходим для занятия коммерческой деятельностью. Гражданская же его право-дееспособность предстает лишь общей предпосылкой, так как лицо, не обладающее правоспособностью и (или) дееспособностью, не может заниматься предпринимательской деятельностью. Неопределенность с правосубъектностью предпринимателей осложняет деятельность законодателя при внесении изменений в ГК РФ. Особенно болезненной является проблема правового статуса крестьянского (фермерского) хозяйства.

Законом «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой ГК РФ» введена ст. 861 «Крестьянское (фермерское) хозяйство». В ней не разрешаются проблемы, существовавшие до этого. Наоборот, положение с правосубъектностью в сфере сельского хозяйства усложнилось.

Законом от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» последнее признавалось субъектом предпринимательства с момента госрегистрации. Юридическим лицом оно не признавалось, но глава хозяйства наделялся статусом индивидуального предпринимателя, что позволяло хозяйству участвовать в сфере обращения, экономическом обороте. Эта модель признана в доктрине неудачной, глава хозяйства не может быть одновременно предпринимателем, так как интересы хозяйства и его как предпринимателя взаимоисключают друг друга. В ст.161 и 861 принятого закона крестьянское (фермерское) хозяйство уже не признается объединением граждан, и их интегральная деятельность достигает лишь уровня соглашения при осуществлении предпринимательства в сельском хозяйстве. Но, так как глава хозяйства указан в госрегистрации, имеет ИНН, счета в банках, другие реквизиты, само хозяйство оказалось в «правовом поле» как бы не существующем. Однако законодатель поместил ст. 861 в разделе о юридических лицах, создав тем самым дополнительную неопределенность. В итоге неопределенный статус крестьянского (фермерского) хозяйства сохранился и после внесения изменений в ГК РФ. И то, что в указанную статью включено положение о том, что крестьянское (фермерское) хозяйство может создать коммерческую организацию с правами юридического лица, не устраняет правовую неопределенность хозяйства, в котором глава его признается индивидуальным предпринимателем.

До внесения изменений в ГК РФ большие сложности возникали в части определения правовой природы уставов коммерческих организаций, иных актов, а также их оценки в правоприменительной практике. На этот счет в теории гражданского права было высказано радикальное суждение: устав юридического лица, утверждаемого одним или несколькими гражданами и (или) юридическими лицами, следует признать односторонней или многосторонней корпоративной сделкой, которая не является договором [3, с. 65]. Таким способом автор пытался обосновать принадлежность корпоративных отношений и правовых актов к гражданско-правовой сфере.

Учитывая иную природу корпоративных отношений, законодатель придал корпоративным актам в лице решений собрания самостоятельное значение, и в Федеральном законе от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела 1 части первой и ст. 1153 части третьей ГК РФ» дополнил подраздел 4 главой 91 «Решения собраний». Тем самым решение собрания не отнесено к разновидности сделок. Это правильно, так как решение – это управленческий акт. Жаль, что законодатель оставил вне своего внимания другие управленческие акты и прежде всего устав корпоративных коммерческих организаций. Должна быть установлена определенность в том, является ли устав локальным нормативным актом? Сложность состоит в том, что положительному ответу на поставленный вопрос препятствуют нормы ст. 3 ГК РФ, в которых перечислены акты, могущие содержать нормы гражданского права. К ним не относятся акты субъектов Федерации. Тем более таковыми не признаются локальные нормативные акты субъектов предпринимательства. Вопрос необходимо решать, при этом в первую очередь нуждается в расширении перечень нормативных актов, указанных в ст. 3 ГК РФ.

В Концепции совершенствования гражданского законодательства содержится фундаментальное методологическое положение о том, что все специальные законы о предпринимательской деятельности не должны иметь исходных принципиальных начал правового регулирования. Такие начала должны быть

интегрированы и помещены в ГК РФ. Такой замысел пока не реализуется в тех изменениях, которые законодатель уже осуществил. И причина этого заключается в следующем. Во всех специальных законах предпринимательские отношения урегулированы в качестве товарно-регулятивных, имущественно-управленческих. Основные начала гражданского законодательства представлены в ГК в качестве продукта только имущественных отношений (п. 1 ст. 1). Законодатель не спешит включать принципы предпринимательства в основной гражданско-правовой акт. Декларируется тезис о том, что ГК РФ регулирует отношения предпринимательства, однако реально это не делается практически во всех его институтах.

Интеграция чисто гражданского и предпринимательского законодательства – процесс сложный, так как он предполагает переосмысление всего категориального аппарата, составляющего методологическую основу гражданского права, а также места законодательства о предпринимательстве в гражданском праве.

Пока этого нет в основных началах правового регулирования, в определении статуса предпринимателей, регулировании их деятельности государством и саморегулировании, ответственности в оперативно-хозяйственной и регулятивной деятельности предпринимателей, их товарно-нетоварной имущественной основе и т.д.

Но даже там, где законодатель пытается выработать некую общую модель для гражданского и предпринимательского права, результат получается органически не взаимосвязанным. Можно это проиллюстрировать на определении общего понятия ценной бумаги.

В ГК РФ дано определение ценной бумаги, которое тесно привязано к бумажному носителю (п. 1 ст. 142). В ст. 149 ГК дано понятие бездокументарной ценной бумаги, которое распространяется на сферу предпринимательства. В цивилистической доктрине бездокументарные ценные бумаги не признаются таковыми, так как не имеют бумажного носителя. В проекте ФЗ «О внесении изменений в разделы 1, 2 и 3 ГК РФ» от 8 ноября 2010 года предпринята попытка определить родовое понятие ценной бумаги, которое охватывало бы собой всю разновидность ценных бумаг. Реально же оказалось, что разработчики механически совместили ст. 149 ГК (бездокументарные ценные бумаги) со ст. 142 ГК РФ (документарные ценные бумаги). Между тем интеграция предполагает отказ от указания на конкретный их носитель. Не должно быть обозначено и конкретное право (имущественное, неимущественное, вещное, обязательственное). Тогда родовое понятие ценной бумаги, которое может успешно применяться посредством его конкретизации в чисто гражданских отношениях и предпринимательстве, целесообразно определить следующим образом: ценной бумагой признается определенный законодательством информационный носитель, содержащий права, осуществление или передача которых производится в установленным порядке лицом, которому они принадлежат [4, с. 10].

При таком методологическом подходе можно переосмыслить все институты гражданского и предпринимательского права под углом возможной их интеграции. Существующее же положение вещей нельзя признать удовлетворительным. Теория, законодатель и правоприменительная практика обнаруживают сейчас сложности в понимании и применении норм о предпринимательстве. Но после внесения кардинальных изменений в ГК РФ положение дел усложнится в большей степени, так как «полумерное» вторжение в сферу предпринимательства классических норм ГК может просто разорвать целостный хозяйственно-правовой механизм смешанной экономики страны.

Литература

1. *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм в России. М., 2011. С. 240; Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М. 2001. С. 44.

2. *Зинченко С.А.* Правосубъектность и структуризация проявленных её основных форм // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 1.

3. *Козлова Н.* Правовая природа учредительных документов юридического лица // Хозяйство и право. 2004. № 1.

4. *Зинченко С.А.* Проблемы доктринального определения и законодательного закрепления понятия ценной бумаги // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: Сб. научных статей. Ростов-на-Дону, 2011.